

После покушения на Сяо Чэна императору, несмотря на свою болезнь, пришлось лично заниматься государственными делами. Его головные боли становились все сильнее и сильнее, и можно было их облегчить только с помощью акупунктурных процедур семьи Линь. Каждый раз, когда наступало дежурство Линь Цинюя, он пребывал всегда наготове, ожидая вызова в императорский дворец. Даже если он отдыхал, но был на территории дворца, император время от времени вызывал его к себе.

В глазах императора Линь Цинюй обладал мягким характером и элегантной внешностью. Он никогда не говорил ничего лишнего, и за ним всегда следовал легкий лекарственный аромат. Такой же запах исходил и от Чу Чжэндэ, но на нем он казался резким, а от Линь Цинюя веяло свежестью. Особенно это было заметно, когда он массировал акупунктурные точки на голове императора. Молчаливый красивый юноша опускал глаза, мягко прикасался руками к голове, проводя курс лечения. Его безупречная кожа слабо светилась в свете дворцовых фонарей.

Созерцая красоту Линь Цинюя так много раз, теперь Сын Неба находил других красавиц в своем гареме скучными и неинтересными. Жаль, что сейчас у него было подорвано здоровье. В Восточном дворце произошел такой большой инцидент, и у него не было ни времени, ни желания даже думать об этом. В те моменты, когда у него в очередной раз перехватывало дыхание от созерцания красоты Линь Цинюя, все, что он мог сделать, это удрученно вздыхать.

В последнее время он не желал видеть рядом наложниц, ухаживающих за ним во время болезни. Он оставил подле себя только Сюэ Ина и Линь Цинюя, не позволяя никому другому нарушать свой покой и тишину.

В этот день Линь Цинюю, как обычно, было приказано отправиться во дворец императора, но у двери его остановил Сюэ Ин: «Императорский лекарь Линь, император внутри обсуждает важные дела. Пожалуйста, подождите немного».

«Внутри премьер-министр?»

В эти дни за управление правительством отвечал премьер-министр. Все важные вопросы, о которых министры должны были докладывать его величеству, передавались через него.

Сюэ Ин и Линь Цинюй уже долгое время вместе служили императору, и постепенно сблизились друг с другом. Сюэ Ин не стал скрывать от него: «Это лидер отряда Тяньцзи, Се Дарен».

Линь Цинюй равнодушно проговорил: «Понятно».

Должно быть, это как-то связано с покушением на Сяо Чэна. Как только с наследным принцем случился этот инцидент, Шэнь Хуайши исчез. Отряд Тяньцзи обязательно отправится по этому следу, чтобы разобраться с ним. Кто знает, как продвигается их расследование.

Когда Се Дарен удалился, Линь Цинью вошел в спальню императора. Император, хмурясь, сидел за столом дракона. Похоже, отряд Тяньцзи не принес ему хороших известий.

Император прервал приветствие Линь Цинюя, слабо пробормотав: «У меня снова болит голова, иди сюда и сделай мне массаж».

Линь Цинью встал позади императора и принялся массировать ему лоб. Выражение лица императора немного смягчилось, с закрытыми глазами он наслаждался легкими приятными прикосновениями: «Твоя техника действительно хороша».

Линь Цинью заметил: «Этот чиновник всему научился у своего отца. Моя техника ничто по сравнению с техникой отца».

«Линь Жушаня? - император вспомнил об этом пониженном в должности бывшем Юань Пана. - Он человек истинного таланта, только немного самонадеянный. Со стороны наследного принца не было ничего плохого в том, чтобы наказать его, но это действительно пустая трата таланта - мешать ему заниматься врачебным делом. Сейчас Императорская лечебница нуждается в талантливых людях. Передай мой приказ, чтобы Линь Жушаня был восстановлен в своей должности Юань Пана Императорской лечебницы».

Чтобы выразить свою благодарность от имени отца, Линь Цинью попытался опуститься на колени перед императором. Но тот схватил его за руку, остановив: «Не нужно быть слишком вежливым. Продолжай массировать дальше».

Сяо Чэн еще не мертв, и император тоже не может умереть. Линь Цинью подавил чувство отвращения от этого прикосновения, притворяясь почтительным и послушным. Благодаря его легким прикосновениям головная боль императора отступила, перестав терзать его так сильно. Он снова развернул доклады и заставил себя прочитать их.

Линь Цинью как лекарь выразил беспокойство: «Тело вашего величества нездорово. Его величеству следует избегать излишних волнений и забот».

Император вздохнул тяжело: «Теперь, когда наследный принц тоже болен, если я не буду заботиться об этих вещах, кто этим займется?»

«Наследный принц - не единственный сын императора».

Император сузил глаза, строго спросив с растущим подозрением: «Что ты сейчас сказал?»

Линь Цинью сделал вид, что запаниковал. Он опустился на колени, оправдываясь: «Этот ничтожный сказал лишнее. Прошу императора простить меня».

Император посмотрел на сильно напуганного и побледневшего красавца, стоящего перед ним

на коленях. Наверное, он стал чересчур подозрителен. Юноша был обычным императорским лекарем, какие интриги он мог замышлять?

«Встань. В твоих словах нет ничего неразумного. Жаль, что два оставшихся принца...» При мысли об этом у императора снова заболела голова, а слова в докладах начали расплываться.

Увидев на лице императора проступающую болезненность, Линь Цинью посмел снова заметить, уговаривая: «Здоровье вашего величества – это самое главное. Для императора было бы лучше сначала отдохнуть».

Император согласно кивнул: «Хорошо. Мне придется положиться на тебя, чтобы помочь мне подготовиться ко сну».

Линь Цинью уставился на горло императора, задумавшись на мгновение: «Да».

Он помог императору подняться и направился, ведя его под руку к кровати дракона. Внезапно он заговорил: «Есть одно дело, за которое этот чиновник хочет попросить прощения и снисхождения императора».

«О? Какое преступление ты успел совершить?»

Линь Цинью продолжил: «В последнее время моя мать плохо себя чувствовала. Этот чиновник и его приемный брат, генерал Гу, отправились в храм Чаншэн, чтобы вознести благоволия и помолиться за ее здоровье. У входа в храм мы встретили императорского цензора Ян Гэна. Ян Дарен заявил, что супруга-мужчина приносит несчастье, и что этот чиновник все еще находится в трауре и не должен быть так близок с другими мужчинами. Если этот чиновник принесет несчастье генералу Гу, даже если этот чиновник умрет тысячью смертей, этого будет недостаточно».

Император застонал в душе от бессилия. Трагическая ситуация в резиденции Наньань Хоу ярко отпечаталась в сознании каждого в столице, и положение Наньань Хоу лишь немного улучшилось после того, как Линь Цинью покинул резиденцию. Когда дело касается подобных вещей, лучше верить, чем не верить.

«Сначала уйди, – отпустил его император, – пусть Сюэ Ин войдет и послужит мне».

Линь Цинью вышел из спальни и увидел поспешно приближающегося к нему Сюэ Ина. Он заинтересованно спросил: «Евнух Сюэ, почему ты так спешишь?»

Сюэ Ин радостно ответил: «Это о наследном принце! Наследный принц очнулся!»

Линь Цинью легко рассмеялся: «Это... действительно счастливое событие».

Вернувшись в Императорскую лечебницу, Ху Цзи рассказал Линь Цинюю, что, хотя наследный принц пребывает сейчас в сознании, его здоровье настолько было сильно подорвано, что рано делать какие-либо прогнозы. Одно можно сказать точно, что все станет ясно в ближайшие дни, наблюдая, как он начнет восстанавливаться. После того, как он очнулся, его настроение стало еще более переменчивым, чем раньше. Его раздражение быстро переходит в дикую злобу и ярость. Одна наложница, которая прислуживала у его постели, была лишь слегка неуклюжей, но ее отправили в холодный дворец к наложнице Лу, и надежды на возвращение у нее больше нет*.

[Примечание: Вот и вспомнили о живущей в холодном дворце Лу Няньтао, сестрице Ванчэна.]

В Восточном дворце Ху Цзи также видел Се Дарена из отряда Тяньцзи и даже подслушал разговор между ним и наследным принцем. Кажется, что наследного принца совершенно не интересуют дела двора. Не обращая ни на что внимания, он отчаянно хочет поймать своего убийцу и вернуть его обратно в столицу. В разговоре с Се Дареном наследный принц неоднократно подчеркнул, что его нужно доставить живым.

Покинув дворец, Линь Цинюй отправился напрямик в резиденцию генерала. Юань Инь поприветствовал его, указав, где сейчас Гу Фучжоу: «Генерал тренируется на площадке».

Когда Линь Цинюй пришел на тренировочную площадку, он увидел Гу Фучжоу лежащего на земле животом вверх с обнаженной верхней частью тела. Он приподнимал и опускал корпус, бормоча себе под нос: «Семьдесят семь, семьдесят восемь, семьдесят девять...»

«Генерал, – окликнул его Юань Инь, – здесь лекарь Линь».

«Восемьдесят!.. – Гу Фучжоу выдохнул с облегчением, встал и взял переданную слугой верхнюю одежду. Небрежно накинув на себя, он пошутил. – Ах, лекарь Линь застал меня в подобном виде, я так смущен».

Пребывающий до этого в плохом настроении Линь Цинюй, после того, как узнал новости о Сяо Чэне, наконец, чуть повеселел: «Я помогал тебе принять ванну. Нет такой части тебя, которую я бы не видел».

Гу Фучжоу отослал слугу, уточнив: «Это было с телом из прошлого, а нынешнее тело ты еще не видел».

«Разве я уже не видел его?»

Гу Фучжоу пожаловался: «Это ты сказал, что мой пресс начал исчезать. Можешь посмотреть на меня снова, как только я приведу себя в форму, – Гу Фучжоу вытер пот подолом своей одежды, пожаловавшись. – Я устал... я так устал. Раньше я мог часами играть в мяч и при этом не уставать. Годы так неумолимы...»

Линь Цинюй резко прервал его стенания: «Сяо Чэн очнулся».

Нисколько не удивленный Гу Фучжоу приподнял брови, напомнив: «Что я тебе говорил? У Сяо Чэна есть ореол. Он не умрет так легко. Но это не полный провал. Император, возможно, не сможет терпеть слабого и болезненного наследного принца, отстранив от управления государством. То, что произойдет в будущем, зависит от того, сможет ли Сяо Чэн бороться за себя».

Но это покажет только время.

Линь Цинюй немного подумал, продолжив другую тему: «Что касается нашего второго брака, мы должны сделать это как можно скорее».

Гу Фучжоу сделал паузу, уголок его рта медленно пополз вверх, приподнявшись в улыбке: «С чего такая спешка?»

Вспоминая проявляемое излишнее внимание со стороны императора, Линь Цинюй продолжил, не собираясь что-либо объяснять: «Поскольку решение принято, отсрочка может просто привести к еще большим неприятностям. Или ты передумал и хочешь жениться на седьмой принцессе?»

«Конечно, нет. Но ты действительно хорошо подумал?»

Линь Цинюй ответил вопросом на вопрос: «А что похоже, что я плохо все обдумал?»

«Я имею в виду, ты когда-нибудь думал о том, что мы будем делать после свадьбы... - тон Гу Фучжоу стал немного неестественным. - Э-э, как мы будем жить вместе?»

Линь Цинюй не совсем понял этот вопрос, нерешительно напомнив: «Мы женимся, потому что у нас нет выбора. Мы будем ладить в будущем так же... как ладим сейчас».

Гу Фучжоу почему-то насупился, тихо проговорив: «Если ты настаиваешь на этом, тогда я не буду делать серьезное предложение».

Линь Цинюй не понимал, о чем тот сейчас говорит. Поэтому спросил: «А что ты предлагаешь?»

«Вот, возьми это», - Гу Фучжоу бросил что-то в его сторону. Золотой предмет пролетел по воздуху и был ловко пойман Линь Цинюем.

Это было кольцо из чистого золота, намного тоньше, чем декоративные кольца для большого пальца*, которые часто носят мужчины. На маленьком и изящном кольце была простая рельефная гравировка.

[Примечание: 扳指 / bānzhǐ, bānzhī. Кольцо на большом пальце. Первоначально кольцо носили лучники в древние времена, чтобы защитить большой палец правой руки при натягивании тетивы, позже использовались в качестве украшений. Кольцо в основном из нефрита или слоновой кости.]

Линь Цинъюй бросил смущенный взгляд в сторону Гу Фучжоу, спросив: «А что это значит?»

Гу Фучжоу пояснил: «У меня на родине есть такая традиция. Когда кто-то решает пожениться, он надевает кольцо на безымянный палец».

«Правда?»

Линь Цинъюй часто слышал, как Гу Фучжоу рассказывает о своей родине. Должно быть, это очень причудливый мир. Летом там было что-то под названием «кондиционер», которое спасало жизнь Гу Фучжоу большую половину года. У него на родине потребовался бы всего час, чтобы преодолеть расстояние между Юнляном и столицей. Там мужчины, которым исполнялось восемнадцать лет, считались взрослыми, но жениться могли только тогда, когда им исполнится двадцать два. Если бы он и Гу Фучжоу попали бы туда, никто бы не признал их брак действительным.

С тех пор как они встретились, Гу Фучжоу следовал их обычаям. Это справедливо, если иногда он будет уважать обычаи родины Гу Фучжоу.

Линь Цинъюй взял кольцо, уже собираясь надеть на свой безымянный палец, но был остановлен громким окриком Гу Фучжоу: «Что ты делаешь?»

Линь Цинъюй озадаченно спросил: «Разве ты не сказал, что я должен его носить?»

Гу Фучжоу не удержался от смеха: «Ты не можешь сам надеть кольцо. Попроси меня помочь надеть его тебе».

«Это тоже обычай твоей родины?»

«Верно».

«Как все хлопотно, – Линь Цинъюй протянул ему левую руку. – Тогда иди и сделай это уже».

Выражение лица Гу Фучжоу внезапно стало очень серьезным. Он опустил голову, и некоторое время смотрел на руку Линь Цинъюя. Сначала он вытер руки носовым платком, а затем осторожно взял кольцо.

Кажется, его руки немного дрожали. Он явно нервничал.

Линь Цинюй никогда раньше не видел, чтобы Гу Фучжоу относился к чему-то настолько серьезно. Как будто он сейчас выполнял самое важное дело в своей жизни. Видя его таким, Линь Цинюй тоже занервничал.

Должно быть, из-за того, что Гу Фучжоу так долго держал кольцо, металл немного нагрелся. Он медленно надел ослепительно сверкавшее на солнце кольцо ему на палец.

Это было странное чувство. Надев кольцо, они некоторое время продолжали молчать.

Взяв себя в руки, Линь Цинюй поинтересовался: «Теперь все в порядке?»

«Подожди, в такой момент, как этот, я должен сказать что-то пафосное и оригинальное. Дай мне подумать... – Гу Фучжоу глубоко вздохнул, схватил руку Линь Цинюя и положил ее себе на грудь. Он произнес вдохновенно следующее. – Отныне, Цинюй, я вверяю себя тебе на всю свою оставшуюся жизнь».

Всю оставшуюся жизнь? Не создавать семью и не продолжать род, но до конца жизни оставаться с Гу Фучжоу: шутить, смеяться и ругаться, иногда вместе интриговать и делать плохие вещи, и поддерживать друг друга до конца своих дней?

Это кажется вполне... приемлемым.

«Угу».

Услышав согласие Линь Цинюя, взволнованный Гу Фучжоу не мог удержаться, чтобы не попытаться договориться о чем-то еще: «Тогда пообещай мне, что даже если я буду лысым, толстым и без рельефных мышц живота, ты не будешь презирать меня, хорошо?»

Линь Цинюй уже снова был сама невозмутимость. Безжалостно убрав руку, он твердо заявил: «Это невозможно».

Автору есть что сказать:

Соленая рыба Цзян, ученик средней школы, который путешествует в другой мир и все еще пытается сохранить традиции своей родины. На обложке к новелле это кольцо на пальце.

<http://bllate.org/book/15122/1336681>